

На большом самолёте из моего города до забайкальских степей, места, где происходит действие романа «Боже мой», можно долететь за один час. В семидесятые годы прошлого века, в которых живут и страдают его литературные герои, можно попасть за несколько часов чтения книги. Первое впечатление – отрадное! Отношение писателя Байбородина к русскому языку удивительно трепетное. Как и в сознании главного героя Василия Ознобихина, его *«вдохновенные видения обретали затейливую словесную плоть»*. Эта «плоть» живая, она дышит, сверкает, удивляет. Она насыщена словами, вроде бы известными, но звучащими по-новому в другом контексте. Например, у одиноко живущей матери Василия изба выглядит летом словно *«утаённая в черёмушнике, а зимой, утопающая в умётах»*. Только здесь вы найдёте *«под дождём съёженное село»*, услышите *«нервно потрескивающий разговор»* двух супругов. Это особый мир, где двери то *«голосят петлями на разные лады»*, то *«гневно вскрикивают»*, где бабушки, обрядившись в сарафаны и кокошники, на клубной сцене тянут *«старину с подхватом, протягом и приходами»*, и вы понимаете, что именно такими словами надо описывать манеру исполнения русской народной песни на старинный лад!

От образного использования богатейших возможностей русского языка всякий материальный фрагмент в романе кажется одушевлённым, и из описания событий становится самой жизнью – красочно-яркой и пульсирующей, как одно большое сердце!

«Боже мой» не просто название романа. Это своего рода морально-нравственный код или ключ к пониманию истинного смысла жизни героев книги. Эти два слова употребил в одной из своих статей в районной газете Василий Ознобихин. В контексте всех дальнейших событий в его судьбе восклицание «Боже мой!» стало звучать как сигнал тревоги за наше духовное настоящее и будущее. Его чувствует главный редактор районной газеты, где работает сотрудником Василий. Начальник блюдёт генеральную линию компартии на искоренение религии из жизни нашего народа и требует убрать из текста статьи опасные слова. А они действительно обладают мистическими свойствами, как призыв к Богу о спасении. Главный редактор даже опасается, что, произнесённые пожилой учительницей в школе, они подвигнут читателей на посещение церкви. Вообще эти слова можно ставить рефреном почти к каждому эпизоду романа. И обязательно с восклицательным знаком. Например, вот так: *Боже мой!* Как чудно между собой говорят бабушки! Это же какое-то новое забайкальское Лукоморье, где живут *«балагуристые мужики»* и у нерадивых хозяев *«печка сквозь сажу глядит»*. Где безалаберность героя, раздвоение между словом и делом можно описать одним метким словом: *«испохабился!»* Редкие слова и выражения автор романа подбирает вовсе не от желания выглядеть самобытным по форме, народным по стилю. Просто он любит родной язык, любит его! А главное, творческая интуиция подсказывает ему, что в его богатых россыпях он найдёт и подарит читателю красоту и глубину духовного мира русского народа. И найти её можно именно там. На протяжении веков слова возникали, их формы шлифовались словно грани алмаза, в самых разных жизненных

ситуациях. И вот они снова возвращаются на страницы книг, и любое повествование от соединения прошлого и настоящего становится новым литературным явлением.

«*Боже мой!*» До чего мы дошли в своём беспамятстве? Из текста романа читатель узнаёт, что на лекциях по древнерусскому фольклору студенты филологического факультета университета советских времён отсыпаются после ночных гулянок. Многие из филологов – будущие преподаватели, но сказки и былины они не воспринимают как драгоценное учебное пособие для правильного воспитания молодого поколения.

Василий учится в университете заочно. Его отношение к предметам, изучающим лучшие образцы русской национальной культуры, – самое серьёзное. Сокурсники воспринимают эту серьёзность как чудачество творческой личности: мало ли кто чем увлечён. По молодости лет многие из нас так наивно и думали. На самом деле любое увлечение возникает на определённом философском основании, которое сформировалось в сознании каждого из нас в результате долгой и сложной работы всех факторов – врождённых качеств личности, воспитания в семье и жизненной практики. Узнав эти мировоззренческие основания, можно спрогнозировать все будущие увлечения человека, безошибочно угадать, как будет оценивать события и мнения эгоцентрист или, например, верующий православный человек! Все эти «игры» в свободу личности, все ложные умозаключения о том, что «я так вижу» и о «вкусах не спорят», – они от лукавого! Если ты неисправимый эгоист, то, как говорилось в культовом фильме «Жмурки», – за версту видно, что ты людоедом был и останешься им! Будь ты семь пядей во лбу, но ты всегда будешь защищать то, что тебе дорого, вопреки всему! У эгоиста – в героях всегда сильные личности, у философа с большой головой по фамилии Ницше на первом месте – свобода личности, даже когда эта личность нашпигована бесами как гадаринский бесноватый, которого освободил сам Иисус Христос.

Коллега Василия, выпускница филфака Полина, и слышать не хочет о русских традициях и русском фольклоре. Её уже «перереформатировали» в *новую историческую общность – советский народ!* И ничего за душой не осталось, только горькая семейная жизнь с чередой ссор с непутёвым мужем да выпуск дежурных статей в районной газете.

Полина Ивановна – образ женщины переходного периода. Она «советская» по своим взглядам на общественную жизнь, но в семейных делах такая же жертва своей гордыни, как и её муж. Время настоящих «стервь» придёт в Россию позднее, вместе с диким российским капитализмом. Роман посвящён советским временам, и в нём ещё встречаются добрые, работающие, преданные семье женщины, такие как Лидия, жена Василия. В романе приводится цитата известного писателя о том, что, *«ежели бы в войну жили женщины, а не бабы, страна бы войну проиграла».*

Разницу в этих двух понятиях легко представить по фильму С. Говорухина «Ищите женщину», где актриса Светлана Ходченкова играет жену боевого офицера, всей душой преданную семье и своей родине. В фильме создан прекрасный образ полной, добродушной, любящей «бабы». Такие обеспечивали семейные «тылы» нашим воинам-победителям, могли работать за семерых, каждый день у них превращался в подвиг!

В нынешних телесериалах мы видим уже иных героинь, строгой диетой доведённых до сиротской худобы дамочек в роли бизнес-леди или любовниц олигарха. Выражение лица – вечно злое, на губах презрительные реплики в адрес мужчин. В каждой серии героиня что-то с кем-то делит, с кем-то конфликтует! Невольно думаешь: стоило ли затевать весь этот «рынок», чтобы лишиться чудного существа, не имеющего аналогов в мире, – русской бабы, как ласково по-домашнему называли её простые люди?! Стоило ли мужской половине российского населения молотить друг друга, захватывать рынки и собственность с многочисленными жертвами, чтобы иметь у себя в постели свирепое, алчущее всё новых и новых благ существо? Вопрос не праздный!

Василий Ознобихин возле Полины и Савелия смотрит наивно-старомодным романтиком девятнадцатого века, мужское благородство которого выпестовала русская литературная классика. Он пытается вырваться из плена скучных будней, обыденности существования, которая угнетает его: *«Василий гордился великими деяниями советского народа, любил социализм, верил в коммунизм...»*, да вот писать о нашей буче – боевой, кипучей – не умел, выходило *«нудно и скудно, бедно и бледно».*

А потому и не пишется, что идеологические штампы, вроде «трудовой вахты», «идя навстречу знаменательной дате», и сотни других лозунгов, которые когда-то действительно рождали в СССР энтузиазм трудового народа, к началу семидесятых годов прошлого века постепенно «стирались» и тускнели. Они

уже не соответствовали новому содержанию отношений между людьми в быту и на производстве. Азарт приобретательства материальных благ медленно, но верно вытеснял из сознания значительного числа наших сограждан духовно-благородные высокие цели. Почётная грамота, фото на Доске почёта, похвала в местной газете уже мало кого вдохновляли, особенно на фоне заметного роста благосостояния начальства и торговых работников. Скущую душу рядового сельского жителя змей-искуситель легко заполнил хроническим безразличием к социальным вопросам, пристрастием к пьянству.

Главный герой всё это глубоко чувствовал и страдал. Прототип Василия Ознобихина мне хорошо известен. По крайней мере, некоторые характерные черты и общий «рисунок судьбы» напоминают мне одного университетского товарища, соседа по студенческому общежитию.

Вообще в романе выведено несколько типов творческой российской интеллигенции. *(Слово «типы», а также их характеристики – это не строгие научные термины, а условное обозначение, придуманное мною, автором настоящей статьи, чтобы различать векторы творчества, исходя из особенностей мировоззрения самих художников и литераторов.)*

Первый, самый обнадёживающий тип с точки зрения творческих результатов, – это *традиционалист*, который представлен в романе Василием Ознобихиным. В нём счастливо сохранилась историческая и культурная память своего народа. Когда им овладевали муки творчества, его не волновал вопрос: «какое, милые, у вас тысячелетие на дворе?» – по выражению поэта Пастернака. Текущие события могли совсем не касаться его внутренней духовной работы над собой. И люди подобного склада много в чём преуспели.

Вселял уверенность в своём творческом будущем и другой «традиционалист» – один из персонажей романа, журналист и писатель Егор Исаевич Андриевский. По слухам, он писал толстую книгу про обычаи, обряды и поверья семейских староверов Забайкалья, откуда был сам родом. Прочная родовая связь со своим народом помогала ему обрести себя, свой стиль, найти свою тему.

Долго искал себя Василий Ознобихин. Сравниваю его с реальным прототипом из моего студенческого окружения, и хочется написать киносценарий, в котором изобразить, как мой сокурсник до поступления в университет пробует писать заметки в районную газету и как его беспощадно критикуют коллеги и главный редактор. А потом – долгие горькие раздумья в деревенском уединении, мычание коров за окном, тоска по прекрасному, манящая даль заката.

Далее в фильме я бы изобразил поникший вид героя, рассказы не печатают, газетная поденка обрыдла, коллеги, да и сельские насмеются: дескать, ишь, со свиным рылом да в калашный ряд.

А потом в моём воображаемой фильме была бы вставка с титрами *«прошло двадцать лет»*, а после неё – кадры вручения престижной всероссийской премии известному писателю Ознобихину. Столичные знаменитости поздравляют и тепложимают руку лауреату. Да, да! В реальной действительности прототип главного героя, мой товарищ по университету, прошёл все скорби для начинающих литераторов, его так же, как и его литературного двойника, не понимали, не принимали, не печатали... а потом наступил его звёздный час! Он стал известным писателем, продолжающим традиции больших мастеров российской прозы.

В воображаемом мною киносценарии я бы поведал, сколько сотоварищей главного героя фильма в одно время с ним подавали большие надежды; сколько умниц, красивых и высоких парней и девушек-сокурсниц восхищались нас первыми пробами пера... но куда-то растворились... исчезли, выпали в осадок... а мой сокурсник, подобно настойчивым первопроходцам, что освоили Сибирь, медленно, по шапку, по зёрнышку, по рассказу, по повести... шёл вперёд и вперёд! Таких беда не берёт!

Из сотен «подававших надежды» молодых студентов нашего университета начала семидесятых годов членами Союза писателей стали три человека. Но и среди этих трёх писателей только мой сокурсник, ставший прототипом главного героя романа «Боже мой», был удостоен самых престижных литературных премий общероссийского масштаба.

(В общем, о таких людях надо снимать фильм и смело надеяться на получение «Оскара». Вселяет надежду на высшую награду американских киноакадемиков и то обстоятельство, что главный герой романа «Боже мой» очень критически относился хотя и не к советской власти, а к безбожной, компартии с её дубовой пропагандой безродства.)

Когда Василий Ознобихин отправляется в командировку в степные сёла, по описаниям в романе его наблюдений можно сделать вывод, что сельскую жизнь он знает глубоко, как это и свойственно талантливому, наблюдательному человеку. Начинающий литератор может найти в ней грустное и смеш-

ное, прекрасное и безобразное. Но сам живёт как бы «сбоку», наблюдая, почти не участвуя во всём происходящем. Василий, как и всякий художественный талант, эгоцентричен. Чтобы не растерять в себе нечто высокодуховное, он вынужден замкнуться в себе, сосредоточиться на своих переживаниях. От отцов и дедов Василию досталась и потаённая религиозность, православный взгляд на нашу сумбурную, бесчеловечную жизнь.

(Великий психолог Карл Густав Юнг предупреждал, что в нас прошлое не только здравствует и хранится, но периодически требует выхода в новую жизнь потомков, воплощаясь в иных образах и формах, и деяниях!)

Талант дан потомкам, чтобы всё это накопленное богатство вновь ощутить и использовать в творчестве. Толчки памяти, как родовые схватки, напоминают о себе, мучают болями. Поэтому творческий человек в этом плане не принадлежит самому себе. И это – спасение для его души, потому что тогда он в своих мыслях и поступках не так сильно зависит от своей греховной природы.

В предисловии ещё к первому изданию романа «Боже мой» писатель Валентин Распутин писал: *«Человек тех лет и представляет как раз самую большую и таинственную загадку: чем же он был, какую носил в себе бациллу перерождения, если за годы затем превратился в полную свою противоположность?»* По этому поводу выскажу своё мнение: а, может, наш человек, как и любой другой потомок Адама, и не перерождался вовсе, а К СЕБЕ, ПРЕЖНЕМУ, то есть повреждённому первоначальным грехом, вернулся? Коллективизм как основное, драгоценное качество нашего менталитета помог в своё время и целину распахать, и вторую в мире промышленность создать, и объединённые силы Западной Европы победить! За что в 1945 году вождь страны И. В. Сталин поблагодарил русский народ. Потом правящая элита о нём опять забыла. *(Такое уже случалось в российской истории во времена нашествия армий Наполеона. Царь назначал патриотически мыслящих министров и полководцев. А после блестящих побед отправлял их в отставку.)*

Так уж сложилось на Святой Руси, что для сохранения власти политическим деятелям в мирной жизни невыгодно пробуждение национального самосознания, а тем паче национальной гордости, поскольку чревато последствиями. Народ, социально активный, ещё потребует от управляющей элиты законного права участия во всех государственных и культурных делах, права самому решать, что ему нужно для духовного развития.

Для советской власти главной целью было любой ценой соблюсти внешнее формальное единство наций и народностей СССР. А имеет ли оно под собой прочную духовную основу или нет, для политиков было несущественно. Но со своими интернациональными идеями они так «заигрались», что забыли одну истину: русские *«Иваны, не помнящие родства»* – плохие объединители наций и народностей.

(Когда наступят лихие «девяностые годы», большинство нашего населения, образно говоря, разбредётся кто куда: одни – в буржуи, другие – в нищоброды, третьи – в массу потребителей без идеологии и веры! А что им было защищать? Интернационализм? В межнациональных отношениях, кроме русских, им мало кто руководствовался.)

В романе «Боже мой» показан и другой тип творческой интеллигенции – это неисправимые индивидуалисты. Корреспондента районной газеты Савелия Дарданеллу можно смело назвать предвестником будущей «перестройки», а точнее, исторического реванша индивидуалистов в борьбе со сторонниками коллективизма.

Наблюдая за коллегой, Василий интуитивно чувствует великую нравственную и психологическую ущербность людей такого рода. Они не хотели и не пытались себя ассоциировать с русской культурой, с народным искусством. Они вели себя так, словно пришли жить на безлюдную равнину, где до них никто не занимался культурной деятельностью, не писал летописей и книг, икон и картин. В их воспалённом мозгу историческая Россия виделась толпой тёмных мужиков, которые «из-под палки» под руководством иностранных архитекторов строили православные храмы и церкви!

Все великие дела русского народа какой-то неземной лукавый искусник стёр из их памяти. Остались на нашей земле только те, кто *«водку пил, баб лупил и на печи лежал»*. Психологически, такой недостойной «игрой» на понижение эта самолюбивая прослойка интеллектуалов часто пыталась поднять свой авторитет в глазах неискущённой публики! Вот как описывает автор романа особенности своего героя: *«Полинин муж, хотя и впадал в загулы, кидался во все тяжкие, но форса не терял, что, смекнул Василий, обороняло его от жалостливых и осуждающих взглядов, держало на плаву»*

и придавало некую утончённую исключительность. Словом, шерсть ещё не вылезла, ещё лоснилась, и возле деревенского пьянчуги выглядел Дарданелла барином, в котором чудом уживались трезвая скупость и пьяная щедрость, еврейская расчётливость и русская душевность, утончённый, изощрённый книжный ум и подзаборная похабщина, романсовая нежность и грубая похоть».

Очень важно подчеркнуть, что индивидуалисты, как правило, являлись поклонниками Западных ценностей и окружающий их русский мир не принимали даже эстетически, то есть не видели в нём внутренней духовной красоты, а только внешние грубость и убожество. Тот же Савелий Дарданелла характеризует местное сельское население как *«сопящее, жуящее, спящее быдло»*. Ему, как и любому другому природному эгоисту, важно позиционировать себя от «толпы», от любой общины, живущей по другим нравственным правилам и ценящей коллективизм, а для этого ему надо представить обязательно в карикатурном виде её вкусы, взгляды и обычаи. (Такой же «сопящий и жуящий», пьяный и мерзкий на вид англичанин в пивной никакого отторжения у нашего российского эгоцентриста не вызовет, потому что иностранец для него «свой», он живёт только для себя, любимого. А быдло потому и быдло, что живёт по общинным правилам и чтит православную соборность.) Да и свой русский «кулак», хоть так же неопрытен, с крошками хлеба в густой бороде, но будет любому творцу-«индивидуалисту» роднее бедняка-колхозника, потому что своё дело знает, живёт обособленно, «добро наживает»!

В начале 90-х годов такие, как Дарданелла, кандидаты в будущее всемирное общество потребителей, постараются перебраться в какой-нибудь приличный город, чтобы побольше зарабатывать и развлекаться по полной программе, начертанной в их воображении ещё в советские времена. Присоединившись к таким же любителям сладкой жизни в мегаполисах, они «замутят головы» большинству российского населения разрушением всех прежних идеалов и неустанной пропагандой «рыночных» отношений.

К новому типу полуинтеллигенции можно отнести главного редактора районной газеты, которая стала местом действия романа. Бывший ветфельдшер и бывший бригадир Семён Евдокимович Балдаев, кажется, и не интеллигент вовсе в его привычном смысле, то есть как представитель творческих профессий с большим культурным кругозором. Большевики призвали ветфельдшера Балдаева служить на идеологическом фронте, вооружили его знанием основных положений марксизма-ленинизма, и он исправно служит, сегодня – советскому вождю Сталину, завтра – Хрущёву. Осуждая культ личности, носит китель, чёрное галифе и фасонистые хромовые сапоги, *«словно тоскуя по твёрдой сталинской руке»*.

В своё время такие старательные деятели из простого народа с пользой послужили своему отечеству в период организации коллективного производства и создания новых социальных структур. Всё же от звериного мира капитализма ненадолго отлучили. Но их интеллектуальный потенциал был слишком ограничен. К тому же в вопросах духовных, в идеологической работе выходцы из народа во власти пользовались только атеистическими средствами, а это одно и то же, что безуспешно пытаться оперировать душу человека хирургическим скальпелем.

Классовый подход к оценке всего невообразимо сложного процесса создания нового государства привёл к тому, что «рабоче-крестьянская» интеллигенция быстро забыла наше общее русское прошлое. Автор романа А. Байбородин очень убедительно показал беспросветную слепоту мнимого «интернационализма», когда гражданин печётся о других народах, **не жалея и не любя своего народа**. Преданный порученному делу главный редактор Балдаев готов опровергнуть мнение самого Фёдора Михайловича Достоевского о том, что *«хозяин земли русской – это русский»* (русский по своему менталитету, добавили бы мы сейчас).

Балдаев так же резко возражает против изложенного в статье своего сотрудника мнения Льва Николаевича Толстого о том, что *«русского мужика должно писать во весь рост, не только с любовью, но с уважением и трепетом»*.

Какая любовь? Какой трепет? Велено партией укреплять дружбу народов, лоб расшибём, но укрепим! Ум и сердце в этой работе не участвуют. Позже, при распаде СССР и позорных гонениях на русских, мы поймём, куда сами себя загнали, проводя в жизнь бредовые теории мнимых радостей за счастье «всех братских народов»! Такие полуинтеллигенты при власти, как Балдаев, не способны были «переубедить» образованных и уверенных в себе индивидуалистов быть в общей идеологической команде в деле построения социализма. Они больше давили на упрямцев авторитетом этой самой власти и страхом отлучения от должностей или публикаций.

Но духовное противостояние подспудно только возрастало. В романе мы уже видим таких героинь, как Лиза Беркович, которая *«умышленно красовалась своей душой»*. Видим фотовыставку фотокорре-

спондента Дарданеллы. В странных фотообразах, созданных им, можно было узреть и «воспевание бесноватого» и «проповедь гордыни» и «нравственную разнузданность».

В общем, «команда Воланда» десантировалась не только на Патриаршие пруды в Москве ещё при жизни писателя Михаила Булгакова. Десятилетие за десятилетием она начала осваивать великие российские пространства, отдалённые сибирские сёла и города, и уж совсем отдалённые Забайкалье и Приморье.

У молодого человека начала семидесятых годов был небогатый выбор: либо надо было принять жестокие правила «игры» на выживание, либо уйти в себя, стать «книгочеем», чтобы найти счастье в высоких духовных сферах. Главный герой романа «Боже мой» Василий стал «книгочеем», а потом и «книго-создателем». Он поверил в торжество добра и любви по христианским канонам.

В романе есть эпизод, когда дамский любимец Дарданелла назвал Василия, нашего главного героя, уничижительным словом «Квазимодо», показывая этим, что животное начало человека и естественный отбор никто не отменял! Да, это так, к сожалению.

Но настоящий талант способен преодолеть непреодолимое! Этой обидой коллега по работе богато одарённого Василия только закалил! Через десяток-другой прожитых лет тысячи подобных «дарданелл» истощат свои силы в многочисленных любовных связях, в пьянстве и чревоугодии и растворяются в небытие... без следа и творческого наследия, а негодный для этих «пиршеств тщеславия» и разгула грешной плоти «уродец» Вася счастливо избежит духовного опустошения, которое поразило многих его коллег. Оттого и в семье у него всё будет хорошо: будет любящая жена, вырастет умница-дочь и Ознобихин станет известным писателем.

Да и разве может быть иначе, если главный герой сберёг свою душу для духовного служения. С молодых лет он научился по-христиански сопереживать чужому горю, ощутил в себе способность как бы со стороны взглянуть на зряшную суету и безрассудные поступки своих друзей и знакомых, которые находились в плену греховных страстей, и простить им самые дикие выходки! Вот один из примеров такого духовного преображения героя при виде на ссору супружеской пары:

«Умные же люди, и пошто друг другу кровь портят?! – переживал Василий. – Видно, горе от ума... Тьма ума и уйма воли – беда и себе, и людям... а в деревушках, поглядишь, иные мужики и бабы крестиком расписываются, а мудрости большие, и живут душа в душу, а ведь тоже в сердцах охота на близком зло сорвать. Но перемогаются же... Видно, вера в Бога подсобляет: в Писании же – возлюби ближнего... а тут один задериха, другой неспустиха...»

К месту здесь было воспоминание Ознобихина о деревне. Это проблески родовой памяти, которую в нём не стёрли события здешней, современной ему безбожной действительности, где каждый день безродные вожаки-атеисты вдалбливали в сограждан абстрактные идеи, которые они сами же часто и опровергали в реальной жизненной практике. Вспомнились ему сельчане из дальних деревушек совсем не случайно! Это у Василия от предков – способность любоваться деревенскими жителями, которые крестиком расписываются, но живут по любви. По этому пути русское большинство должно было пойти, развивая в себе бескорыстную любовь и сострадание к ближнему. Да всё пошло совсем по-другому!

Но у нашего героя свой путь. Постигая книгу православного гения Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», Василий вдруг осознаёт истинный смысл пребывания человека на земле! В повествовании об этом событии автор так представляет Василия, который: *«расхаживая, от удивления покачивая головой, повторял на свой лад мысль: люди бы жили счастливо, если бы, не помня обид, ведали лишь вину друг перед другом и, радостно утоляя вину, служили друг другу, при сём, имея сердечную мудрость, не подсобляли в скверне, чтобы сослужить человеку не бесову – Божью службу».*

Боже мой! Как счастлив любой человек, для кого эта мудрость стала путеводителем по жизни, кто может почувствовать Бога в себе, а себя – частичкой духовной жизни своего народа. Национальный талант – пожизненный пленник духовного его прошлого и вечный страдалец за его настоящее и будущее. Символично окончание романа. Василий вечером спешит в типографию, снова набирает на линоTYPE и решительно вставляет в текст своей новой статьи вычеркнутые главным редактором слова «Боже мой!» Этот символический жест – как знак духовного выбора героем своего жизненного пути! Пока ещё на уровне защиты заветных слов его подсознание готово к будущему воцерковлению. Никто, в том числе он сам, ещё не знает об этом преображении. Оно совершается на наших глазах.

Роман окончен, а религиозный путь главного героя только начинается.